

*Д.С. Бобров***Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в.****D.S. Bobrov***Fortressclerk's Institution in the System of Administration in Verkhnee Priobie in the First Half of XVIIIth Century**

Статья посвящена ключевым аспектам возникновения и эволюции института приказчиков крепостей Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. Реконструируются административно-функциональный статус приказчиков, а также место этой структуры в системе общегражданского управления начального периода освоения Верхнего Приобья.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, приказчики, институционализация приказчиков, Кузнецкая канцелярия, управленческая доктрина, судные избы.

На современной стадии развития научной мысли обозначился очевидный исследовательский интерес к проблемам ретроспективы возникновения и деятельности локальных управленческих структур. Учет исторического опыта интегрированного внедрения в вертикаль власти и модернизационных преобразований отдельных конструктивных элементов подобных систем администрирования способствует не только общетеоретическому и абстрактно-логическому осмыслению хода исторических процессов, но и формированию определенных социально-адаптивных схем, которые могут быть использованы в современных общественных условиях для построения оптимальной модели управления. Особого внимания в этом контексте заслуживают реализованные на практике активные стремления государственного аппарата Российской империи распространить на Верхнее Приобье в первой половине XVIII в. строго централизованный вариант осуществления власти на местном уровне за счет использования комплекса жестких административных императивов. Проникновение в Верхнее Приобье и первичное освоение региона во многом осуществлялись за счет строительства крепостей и острогов, явившегося одним из механизмов государственной политики и обуславливавшегося среди прочего латентной, а зачастую и явной угрозой агрессии со стороны Джунгарского ханства [1, с. 91; 2, с. 14–15]. Интенсивный характер сооружения военно-инженерных объектов предопределил необходимость ускоренной институционализации размещенных в них

The article touches on key aspects of appearance and evolution of fortressclerk's institution in Verkhnee Priobie in the first half of XVIIIth century. Administration and functional status is reconstructed as well as the place of this structure in the civil management in initial period of developing Verkhnee Priobie.

Key words: Verkhnee Priobie, fortressclerks, institutionalization of fortressclerk's, Kuznetskaya chancellery, management doctrine, sudnaya izba (judgment izba).

управленческих структур. Подобными органами администрирования явились приказчики Белоярского и Бикатунского острогов.

Проблема институциональной эволюции приказчиков крепостей Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. оказалась лишь вскользь затронута в специальной литературе. Генеральная совокупность научных изысканий позволяет выделить три отличные друг от друга группы работ. Прежде всего это исследования Д. А. Ананьева, Ю. С. Булыгина, С. Ю. Исупова, А. Ю. Огурцова, А. Д. Сергеева и А. П. Уманского [1, с. 91–94; 2, с. 8–14; 3, с. 38–42; 4, с. 3–24; 5, с. 14–15, 17, 26–28, 31–40; 6, с. 10–12; 7, с. 40–67; 8, с. 4–5, 8–9; 9, с. 3–17; 10, с. 169–186], посвященные общему контексту освоения и принципам выстраивания линий государственной политики в регионе в соответствующий период. Вопрос исторической динамики приказчиков как управленческих структур в этих трудах если и затрагивается, то делается это лишь в постановочном формате. Другой подход, представленный в трудах М. О. Акишина, а также О. Ю. Шаходановой, заключается в восприятии приказчиков как одной из вариаций низового (локального) звена системы управления Сибири в целом [11, с. 33, 40–45; 12, с. 78, 102–106]. Наконец, безусловного упоминания заслуживают такие авторитетные историки, как В. А. Александров, Н. А. Миненко и В. И. Шунков, рассматривающие приказных людей в качестве органа надзора со стороны государства за мирским управлением крестьян [13, с. 54–68;

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр №2012-1. 1-12-000-3001-017.

14, с. 17–31; 15, с. 205–206, 214]. В свою очередь, две последние позиции во многом являются схожими, основанными на идее общей системно-сущностной идентичности политико-административного статуса сибирских приказчиков в XVII–XVIII вв. Однако в большинстве своем эти работы в силу широкого территориального охвата не способствуют детализации и осмыслению конкретных исторических особенностей отдельных локальных областей, в том числе и алтайского региона. Немногочисленные исключения из этого ряда исследований развивают концепцию преемственности функциональной роли приказчиков Верхнего Обь-Иртышья на протяжении всего XVIII в. [16, с. 46–47]. При этом акцент делается на середине — второй половине столетия, а в отношении начального периода освоения Верхнего Приобья проводится весьма сомнительная обратнотронологическая экстраполяция не в полной мере формализованного статуса приказчиков. Между тем характер институционализации крепостных приказчиков Верхнего Приобья в целом соответствовал геополитическим реалиям Алтайского региона, обладавшего приграничным статусом, и особенностям протекания централизации регионального звена управления в первой половине XVIII в. В условиях сложившейся в Верхнем Приобье в этот период военно-политической нестабильности «начальные люди крепости» представляли собой институт экстраординарного военного администрирования, встраиваемый в многоуровневую систему управления Сибири в целом. Учитывая объективные по своему характеру сложности в осуществлении властных прерогатив на подведомственной территории, Кузнецкая воеводская канцелярия, которой непосредственно подчинялись приказчики, избрала курс на ежегодную ротацию управленческих кадров [17, л. 189]. Соответственно, приказчики являлись «годовальщиками», т. е. применительно к реалиям эпохи лицами, привлекаемыми аппаратом управления для решения строго определенных задач на ограниченное время, как правило, на один год. Причем нередко замена персоналий происходила как значительно раньше, так и несколько позже условно намеченного срока, что напрямую было связано с особенностями сообщения с Кузнецком [18, л. 21, 49, 202, 211, 288]. Воеводской канцелярией учитывался и реальный опыт администрирования конкретного приказчика, и в условиях острого кадрового дефицита ряд служилых людей получали назначение на должность приказчика несколько раз, с незначительными перерывами в 3–4 года. Показателен в этом отношении пример С. Серебренникова, который в 1717 г. был назначен приказчиком Белоярской крепости (первым после строительства острога), а в 1723 г. — Бикатунской, в статусе которого он находился беспрерывно вплоть до 1725 г. [18, л. 49–50].

Основным актом, регламентировавшим деятельность приказчиков, являлась «Наказная память» или «Наказ» — персонифицированный документ, содержащий визу Петра I и обусловленные общим контекстом ситуации в регионе приоритетные требования Кузнецкой воеводской канцелярии. В общем виде в наказах «начальным людям» крепостей Верхнего Приобья рационально выделить 4 смысловых сегмента, которые выстраивались вокруг соответствующих проблем: снабжения острога, осуществления управления служилыми людьми, заселения близлежащей территории и, наконец, санкций за нарушение зафиксированных положений [18, л. 15–17; 19, л. 43–45]. При этом «Наказные памяти» на протяжении конца 10–20-х гг. XVIII в. не являлись архаичным документом, содержащим лишь формально-декларативную сторону управленческой доктрины, а отражали соотношение потребностей региональных властей и реалий освоения. Если изначально в сферу компетенции приказчика Белоярской крепости С. Серебренникова входил в том числе и сбор разведывательной информации об обстановке в Верхнем Приобье, а также отдельные элементы внешнеполитического представительства Российской империи [19, л. 44–45], то вскоре после стычки с калмыцким отрядом 20 июля 1717 г. и гибели 4 казаков эти полномочия были изъяты из прерогативы приказчиков. Сибирский губернатор М. П. Гагарин после этого случая категорически запретил С. Серебренникову, а вместе с ним и всем остальным приказчикам посылать многочисленные военные отряды через реку Обь: «А будет людям трата, и за то ты казнен будешь смертью, чтобы такими посылками не потерять города» [20, л. 20–20об.]. В дальнейшем структура предъявляемых приказчикам требований исключала активные разведывательные действия, а деятельность Кузнецкой канцелярии в сфере правовой регламентации процесса освоения Верхнего Приобья к концу 10-х гг. XVIII в. привела к постепенной унификации наказов. Это свидетельствовало о придании административному правотворчеству региональной власти стабильно-системного характера и превращении «Наказных памятей» из должностных инструкций в разновидность правового документа, устанавливавшего принципы местного управления [11, с. 33; 21, с. 79].

В широком поле деятельности и сфере ответственности «начальных людей крепости» стоит выделить три частично взаимообусловленные функции: оборонно-снабженческую, административно-хозяйственную и судебную-надзорную. Вполне объяснимо, что исключительная значимость в системе локального администрирования принадлежала оборонно-снабженческой функции, поскольку в первые годы после основания острогов гражданские поселения вблизи них отсутствовали. В наказе приказчику

Бикатунской крепости Ф. Сорокину ясно прослеживается динамика приоритетов в направлении выдвигания на первый план обязанности «начальных людей» заведовать оружейными ресурсами острога и ни при каких условиях не допускать вторжения отрядов кочевников [18, л. 15–17].

Однако начало земледельческого освоения близлежащего к крепостям пространства и необходимость становления рычагов административного контроля над процессом заселения в целом Верхнего Приобья обусловили среди прочего и расширение сферы правовой (правоприменительной) деятельности приказчиков. В данном случае проявилась вариативность управленческой доктрины, основанная на учете военно-стратегических особенностей конкретного локального района. Если для приказчиков Белоярской крепости директивой воеводской канцелярии была четко обозначена необходимость создания целой слободы без учета статуса переселенцев, кроме жителей Томского уезда, то для управленцев Бийской крепости одной из ключевых оставалась задача воспрепятствования проникновению и оседанию в непосредственной близости от острога беглых и пришлых [18, л. 16, 50]. Однако реализовывались эти административные установки далеко не в полной мере. Правоприменительная практика шла вразрез с формализованной доктриной. В одном из своих донесений С. Серебренников отмечал несанкционированные попытки поселения вблизи крепости: «Да ведомо вашей милости (полковнику Б. А. Синявину. — Д. С.) приежжали суда в Белоярской Чоуского острогу восем человек Михайло Волков с таварищи и просилис сдес в Белоярску жит и я их не принял и отослал назад в Чоуской острог» [22, л. 76–76об.]. При этом несколько позднее тот же приказчик не предпринял практически никаких действий по предотвращению миграции жителей Томского уезда в район Верхнего Приобья [5, с. 32]. Схожие процессы происходили и на вверенной «начальным людям» Бикатунского острога территории. Приказчик И. Везигин еще в 1719 г. обращал внимание кузнецких властей на появление в крепости 10 пришлых семей, которые просили о поселении. Вскоре в рамках осуществления регламентирующих предписаний воеводской канцелярии все пришлые были высланы «под караулом» в Кузнецк [18, л. 11]. Однако несколько лет спустя часть переселенцев, а также присоединившиеся к ним гулящие люди с одобрения уже Кузнецкой администрации расположились на постоянное место проживания неподалеку от Бикатунской крепости и основали вблизи нее первую деревню [18, л. 62–66об.]. Подобный прецедент лишь обозначил явные противоречия между положениями «Наказной памяти» и иными правовыми актами, исходившими от Кузнецкой канцеля-

рии. В дальнейшем приказчики частично утратили контроль над расселением прилегавших к военному инженерному объекту районов и своими действиями или бездействием нередко выходили за рамки поступавших свыше правоустанавливающих документов [23, с. 95].

Дальнейшее планомерное расширение системы поселений стало одним из ключевых факторов возникновения судных изб как инструментов контроля и регламентации хозяйственной деятельности населения неслужилых категорий. Хронологически процесс оформления изб следует отнести к середине — концу 20-х гг. XVIII в. (точную дату установить сложно вследствие чрезвычайной фрагментарности источниковой базы) [18, л. 277–279]. Однако роль и степень значимости судных изб в осуществлении управления территорией Верхнего Приобья не стоит преувеличивать. В отличие от областей Среднего Приобья и иных районов Западной Сибири конца XVII — начала XVIII в., где избы выступали лишь в качестве механизмов осуществления приказчиками своей деятельности [11, с. 40–41], в Верхнем Приобье они обладали несколько большей самостоятельностью, возраставшей в прямой пропорциональности от увеличения числа населенных пунктов и крестьян около крепостей. Тем не менее вопрос разделения и унификации управленческих прерогатив не был решен в полной мере. В этом контексте оценка О. Е. Контевой и А. В. Контевым характера взаимоотношений приказчиков и судных изб как превалирующей роли приказчиков при вынужденном учете ими решений мирских сходов представляется не совсем обоснованной [16, с. 47]. Целый ряд документов конца 20-х — начала 40-х гг. XVIII в. указывает как на отсутствие прямого конфликта интересов двух органов власти, так и консенсусального согласия между приказчиками и избами [18, л. 129–129об., 288–290; 19, л. 210]. Судные избы, складывавшиеся вблизи острогов Верхнего Приобья, в непростых условиях освоения не имели четкого административно-правового статуса и в силу незавершенности своей институционализации в потенциально спорных вопросах априорно принимали сторону приказчиков.

Последние, во многом в силу нехватки служилых людей для обслуживания крепости, зачастую вторгались в деятельность судных изб, не встречая существенного противодействия со стороны органа крестьянского самоуправления. Имея в качестве базовой задачу обеспечения обороны военного объекта, «начальные люди крепости» использовали для ее реализации различные административно-ресурсные механизмы, порой не дожидаясь санкции вышестоящего института. Привлечение приказчиками отдельных крестьян к оружейной и артиллерийской подготовке, очевидно, осуществлялось с середины 20-х гг. XVIII в., поскольку между 1725 и 1727 г. (точную

дату установить проблематично) в казармах одной только Бикатунской крепости проживали 34 пришедших. При этом они не состояли на государственной службе, но в доношениях приказчиков указывалось, что «неслужилые люди» участвовали в обеспечении обороны острога [18, л. 288]. Несмотря на то, что к концу 20-х гг. это явление приобрело системный характер, стоит отметить его детерминированность объективными факторами и прежде всего ограниченностью людских ресурсов, их существенной нехваткой для обслуживания потребностей системы безопасности крепости. Во многом именно стремлением к разрешению данной проблемы было обусловлено распоряжение Кузнецкой канцелярии приказчику Бикатунской крепости И. Хабарову 1736 г. о том, что в связи с недостатком «артиллерийских служителей» к пушкам в канониры необходимо верстать тех детей крестьян, которые «окажутся для этого способны» [24, л. 155]. Вместе с тем подобная административная реакция со стороны воеводской канцелярии лишь официально узаконила процесс, длившийся уже долгое время.

Заметное обострение отношений с Джунгарским ханством в конце 1730-х гг. вновь обозначило исключительно императивный характер подчинения в управлении Верхнего Приобья административно-хозяйственных интересов военно-стратегическим. Вместе с прибытием в Бикатунскую крепость в 1738 г. полка П. Фадеева, который должен был усилить гарнизонные силы, приказчик острога И. Хабаров получил указ воеводской канцелярии, суть которого сводилась к необходимости «крепкого смотра за безопасностью крепости и ее гражданского населения» [24, л. 72–74, 78–80]. В рамках реализации несколько измененной управленческой доктрины приказчики той же Бийской крепости вынуждены были запретить посещение «дальних пашен» поодиночке, без соответствующего вооруженного сопровождения.

Эти действия осуществлялись как раз в рамках политики Кузнецкой канцелярии по воспрепятствованию практически любой хозяйственной деятельности, направленной на освоение приграничной линии, т. е. левобережья Оби, в силу реальной опасности агрессии со стороны зюнгорских калмыков [25, л. 276]. К началу 1740-х гг. беспокойство губернской, а вместе с ней и воеводской канцелярии значительно усилилось, что привело к стремлению еще более частого систематического контроля над безопасностью, прежде всего Бийской крепости (в отличие от Белоярского острога, который к этому моменту начинает терять свою значимость в качестве крупного военно-инженерного форпоста в регионе). В этой ситуации учитывалась позиция уже не только приказчиков, но и судной избы [26, л. 3; 27, л. 46–48, 50–51].

Таким образом, формализация административно-правового статуса приказчиков крепостей Верхнего Приобья протекала в непростых условиях интенсификации освоения всего региона в целом. Это предопределило военизированный характер локального института управления, обусловливавшийся, кроме того, общими принципами построения и функционирования регионального звена системы управления соответствующего периода, а также несомненной способностью военизированных структур при осуществлении власти избирать наиболее упрощенные способы решения назревших проблем. В итоге имел место процесс административного синтеза, когда военизированный по характеру и специфике функционирования институт приказчиков в порубежных зонах осуществлял функции общего управления. В ходе непосредственно администрирования приказчики находились в ситуации постоянной трансформации управленческой доктрины и отсутствия унифицированных механизмов осуществления власти и их ресурсного снабжения.

Библиографический список

1. Исупов С. Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониционной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4/3.
2. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1990.
3. Ананьев Д. А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках : материалы Межд. науч. конф. — Новосибирск, 2011.
4. Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма) : межвуз. сб. науч. ст. — Барнаул, 1986.
5. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул, 1974.
6. Исупов С. Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники : исторические очерки. — Бийск, 2002.
7. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. — Вып. 9. — Новокузнецк, 2007.
8. Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. — Барнаул, 1975.

9. Уманский А. П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. — Вып. 3. — Новокузнецк, 1999.
10. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1980.
11. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата: дис. . . . д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2003.
12. Шаходанова О. Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII вв. : дис. . . . канд. ист. наук. — Тюмень, 2000.
13. Александров В. А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. // История СССР. — 1987. — № 1.
14. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII — первая половина XIX в. — Новосибирск, 1991.
15. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. — М., 1946.
16. Контева О. Е., Контев А. В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. — Барнаул, 2005.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 1134. — Оп. 1. — Д. 6.
18. РГАДА. — Ф. 1402. — Оп. 1. — Д. 1.
19. РГАДА. — Ф. 1134. — Оп. 1. — Д. 8.
20. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 73.
21. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). — Екатеринбург, 1998.
22. РГАДА. — Ф. 1134. — Оп. 1. — Д. 7.
23. Бобров Д. С. Особенности эволюции административного поля Алтая в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые науч. чтения пам. проф. А. П. Бородавкина. — Барнаул, 2011.
24. РГАДА. — Ф. 1402. — Оп. 1. — Д. 2.
25. РГАДА. — Ф. 1402. — Оп. 1. — Д. 3.
26. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 16.
27. РГАДА. — Ф. 1134. — Оп. 1. — Д. 22.